

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ВЦИОМ
«Оппозиция на выборах – 2016: шансы против амбиций»
(24 мая 2016, 17:00, Институт ВЦИОМ)

Модератор (Валерий Федоров, ВЦИОМ):

Здравствуйте, мы хотим поговорить с вами о шансах оппозиции на выборах 18 сентября. Может быть буквально на следующей день, после завершения праймериз Единой России такая тема покажется неоднозначной, может, имело смысл поговорить скорее о шансах партии власти. Мы пригласили Михаила Мамонова с большим рассказом о том, что мы во ВЦИОМе думаем насчет шансов партии власти, но и конечно представить эмпирические данные, которые мы получаем в ходе различных исследований. Затем, будет выделено время на дискуссию, и под занавес Юлия Баскакова представит вам наш новый проект, который имеет непосредственное отношение к компании 2016 года. Он называется Прогнозное мнение. Надеюсь, он будет вам всем интересен. Вот такой сценарий, если нет возражений, я прошу, Михаил, Вам слово.

Михаил Мамонов (ВЦИОМ): Добрый день, уважаемые коллеги. Как сказал Валерий Валерьевич, если говорить о шансах оппозиции, то на основе наших данных, они скорее выглядят довольно скромно. Почему? Я попытаюсь представить вам цифры количественных и качественных исследований, которые ВЦИОМ проводит в течение последнего полугодия. Если говорить о той ситуации, которая у нас складывается сегодня, то политическая реформа, реализация политической партийной системы по сути дела назревает. Потому что появились какие-то новые партии. Ситуация достаточно стабильна, все также 4 партии имеют шанс достаточный, чтобы пройти, Яблоко опустилось до 1 % и пока не подает признаков жизни. Будем надеяться на какой-то ее дальнейший успех. За последние два года можно констатировать некое ухудшение позиций ЕР. Если еще в марте за 6 месяцев до выборов, мы говорили, что ситуация нестабильна, что возможно появление новых

игроков, и позиции ЕР ослабевают, то последние два месяца продемонстрировали уникальную стабильность ситуации. Показатели ЕР среднемесячные увеличились до 48 %, в сравнении с 2011 годом, ситуация лучше, чем в 2011 году на данной стадии. Позиции за 4 месяца до выборов: если в 2011 году ЕР поддерживали порядка 45 %, то сегодня – 48%.

В этой связи, конечно, возникает вопрос, есть ли шанс у оппозиции; у какой именно оппозиции есть шансы, насколько эти шансы выражены, какие есть факторы, которые позволяют думать, что еще все впереди.

Мы выбрали 8 факторов, которые могли бы свидетельствовать о наличии потенциала для изменения ситуации и появление шансов у оппозиции. Что это за факторы? Первое – социально-экономическая кризисная ситуация, и преобладание настроений социального пессимизма, прежде всего, когда мы говорим о психологическом и эмоциональном состоянии. Второе, это размывание границ между партиями и унификация запроса между представителями различных партий. Третье, это усталость населения от доминирования ЕР и усиливающееся разочарование в большой четверке. Их объединение в некий провластный конструктор. Особенно четко мы это видим в ходе качественных исследований. Четвертое – усиление запроса на перемены, ожидание прихода новых людей из новой политической системы. Пятое – высокий уровень мобильности электората. Шестое – запрос явки на избирательные компании. Седьмое - усиление локальных повесток и запрос на локальные повестки, усталость от глобальной повестки. И восьмое, не менее важное – рационализация. Избиратель сегодня хочет не только уважения, но и хочет четкого понимания, зачем ему необходимо проголосовать за ту или иную партию, что он получит, какие преференции, какие бонусы он получит в случае той или иной модели голосования.

Какие факторы наиболее значимы? Основной из этих факторов – это мобильность электората. Мы можем говорить о том, что сегодня большинство избирателей в зависимости от декларируемого выбора разделяют готовность изменить свой выбор. При тестировании второго выбора - порядка 30% в целом по всем партиям - люди заявляют о неизбежности выбора «своей» партии, а остальные в

той или иной степени готовы поменять свой выбор. При попытке самоанализа, мы фиксируем: около 60 % составляет группа ситуативная, около 40% заявляет о том, что выбор устойчивый. На эти цифры традиционно можно делать скидки по той простой причине, что у нас население всегда сидя дома говорит... Также у коммунистов порядка 50% допускают при тех или иных условиях изменить выбор своей партии.

Наша попытка посмотреть идеологические, ценностные позиции, ценностные предпочтения россиян в разрезе партийных выборов, свидетельствует, что все больше и больше предпочтений унифицируется. Что хочет население, какой запрос они предъявляют? Эти запросы, еще раз подчеркиваю, они унифицируются. Это стабильность, это перемены сверху жесткой рукой, это укрепление роли государства, это укрепление суверенитета, это оказание помощи государством населению, поддержка населения, это сохранение мира, стабильности, в том числе и в национальном вопросе. И лишь по двум позициям мы фиксируем некую дифференциацию между сторонниками парламентских партий – это вопрос национальный и вопрос традиционных ценностей. Говорить о том, что эта дифференциация имеет большое значение, наверное, не оправдано.

В связи с этим возникает вопрос, неужели все так плохо, неужели шансов никаких нет? И есть ли те ограничения, которые ограничивают процесс тактильной дифференциации и расширение внутрипартийного пространства? Какие факторы мы выделили, которые позволяют говорить о том, что шансы оппозиции ограничены: первое – бесспорно доминирующее положение ЕР, ее ресурс заинтересованности населения. Второе - это изменение партии ЕР, условно мы это назвали попыткой ребрендинга, и прошедший праймериз, который попытался продемонстрировать открытость партии, склонность привлечь новых лиц как раз об этом свидетельствует. Третье – это в целом низкий уровень доверия к оппозиционным партиям и практически несуществующая парламентская и непарламентская оппозиция. Сюда же можно добавить лидерский вакуум и отсутствие каких-то новых, интересных, перспективных лиц, что не менее важно с точки зрения избирателей, это все-таки

ориентация избирателей в новые идеологические конструкты, или идеологические предложения, предложения осязаемые, а именно решение проблем населения.

Попытки посмотреть, что же собственно происходит с партией с точки зрения допустимого или недопустимого голосования, позволило выделить пять партий, в отношении которых в той или иной степени есть интерес, можно сказать, в разной степени устойчивый. Помимо четырех парламентских партий еще есть интересная партия – Партия пенсионеров за справедливость, в отношении которой 24 % заявили о допустимом голосовании, в то время, как в два раза больше, 50 % не допустили голосование. На данном слайде представлены цифры по 20 исследованиям региональным, которые мы проводили, и объединили, чтобы посмотреть общие тенденции. Две партии – есть преобладание положительных значений, это естественно ЕР и СР. По всем остальным исследованиям партий негативное значение преобладает. Наиболее негативное отношение - это партия либерального толка. Самое негативно оцененная из этих партий, это партия Яблоко.

Когда мы попытались найти ярых, устойчивых электоральных сторонников оппозиционных партий, то мы столкнулись со сложностью, которая заключалась в том, что ярых нет и у парламентских, и уж тем более у непарламентских оппозиционных партий. Самыми ярыми оказались сторонники КПРФ, где 1,6% допускали проголосовать только за эту партию и не допускали проголосовать ни за какие другие партии. По всем остальным партиям – еще ниже. А что касается непарламентских малых партий, то значение совсем маленькое. Это объединенные данные по многим региональным массивам, мы пытались рассмотреть по принципу, допускают проголосовать только за эти партии и ни за какие другие.

Леонид Григорьев (ГУ ВШЭ): А есть данные по Единой России?

Михаил Мамонов (ВЦИОМ): Мы говорим про оппозиционные партии, поэтому мы представляем здесь только их. Мы убрали цифры по Единой России, чтобы не развивать комплекс неполноценности этих партий.

Что касается лидерского предложения. Еженедельно мы задаем вопрос, есть ли те политики, которым мы доверяем, и которым можем доверить решение важной государственной задачи. Что примечательно, ни один из лидеров непарламентской

оппозиции в этот список не вошел с однозначным результатом. А лидеры парламентской оппозиции – их результат не превышает 5-8 процентов. Это Жириновский, Зюганов, ну и Миронов совсем мало – 2 %.

Что касается запроса населения к партии, что население сегодня ждет от партии, чтобы оно хотело получить. Ключевой запрос – это запрос на реальную помощь, на оказание поддержки населению. И предпоследняя позиция – это запрос о партийной принадлежности. Порядка 10-11% выделили в качестве значимых факторов при оценке политика – именно партийную принадлежность. Все остальное с партийной принадлежностью не связано. Связано скорее с текущей деятельностью, с моральными некими качествами, с опытом работы во властных структурах и личными возможностями. В свое время мы попытались посмотреть потенциал малых партии, есть ли у них какие-то возможности, смогут ли они выстрелить в ходе этой избирательной кампании. Как я уже сказал, из малых партий пока условный интерес представляет Партия пенсионеров за справедливость, по отношению к которой 24% заявили о том, что допускают для себя проголосовать за эту партию. В тоже время в два раза больше не допускают.

На основе качественного исследования мы попытались определить некие ниши возможные, при условии которых у этих партий есть потенциал для роста. Таких ниш мы насчитали три. Мало, но, наверное, о них имеет смысл говорить. Первая ниша — это некая форма протестного, возможно сигнального голосования в отношении действующих партий. Второе - это выполнение компенсаторных функций, особенно в отношении партий левого сегмента. Мы отчетливо фиксируем запрос, что в случае, если в основе этих партий будет яркий, молодой, энергичный лидер, то это будет более привлекательная модель голосования, чем голосование за КПРФ или СР. И третье – это наличие какого-то уникального политического предложения. Вот с этим лучше, почему, потому что у малых партий оно сегодня скорее присутствует, либо в названии, либо в текущей деятельности. Партия зеленых понятно чем занимается, у пенсионеров опять же есть потенциал уникального политического предложения. Но когда мы попытались детализировать положение этих партий, отношение к ним населения, то скорее выявляем больше негативных, чем положительных моментов. С

чем связаны эти негативные моменты? Прежде всего, с неочевидностью результатов, и в общем-то в какой-то деятельности по разным интересам, отсутствием масштабных проектов, значимых результатов и значимых дел, неочевидность программы в будущем. Т.е. сегодня предложения этих партий считается скорее всего на уровне названия, на уровне самых общих представлений о том, чем занимаются эти партии, кто является их лидером, почему они необходимы, почему есть возможность за них проголосовать.

Что в итоге? В итоге те три вопроса, которые мы сегодня предложили для обсуждения, остаются открытыми, ответа, по крайней мере, на первый вопрос у нас скорее нет, ответы на второй и третий вопросы я попытался изложить. Если резюмировать те цифры, которые я сегодня презентовал, пока мы говорим о том, что политическая реформа, которая активна в последние два-три года, не привела к изменению ситуации в целом, группа лидеров как была, так и осталась. Мы можем говорить в зависимости от волн исследования, в зависимости от регионов - есть регионы, где выше потенциал у СР, у КПРФ. Но говорить о том, что качественно меняется партийная картина у всей страны, не приходится. По малым партиям, несмотря на то, что они появились, и могут представлять интерес, пока политические шансы скорее призрачные, чем реальные. Говорить о том, что на сегодняшний момент они могут выстрелить – не очевидно. Спасибо.

Модератор: Переходим к следующему выступлению, Евгений Борисович Сучков, директор Института избирательных технологий.

Евгений Сучков (Институт избирательных технологий): Коллеги, посмотрев на цифры, которые были представлены, нахожу их достаточно любопытными с точки зрения политических технологий.

Какие перспективы малых партий? В целом исследования и озвученные данные говорят, что на сегодняшний день перспектив у них просто нет. Цифры это подтверждают. Почему так происходит? С технологической точки зрения в России есть следующие типы политических партий.

Партии лидерского типа, где основой идеологии является положительный образ лидера, например, Жириновский, Явлинский, А.Лебедь.

Далее – идеологические партии, в основе идеологии которых лежит тот или иной понятный массовому избирателю образ жизни, т.е. условно выбор идет между образами жизни.

И бюрократические партии. Партии, созданные действующей властью с целью реализации собственных интересов методами публичной политики. Ныне это «Единая Россия». Сегодня в массовом сознании, как показывают исследования, ЕР очень четко и твердо ассоциируется с Путиным.

Соответственно в этой конфигурации места новым партиям практически не остается. У них нет ярких лидеров, у них нет внятной идеологии, и они не имеют административного ресурса, и ресурсов вообще, которые имеет партия ЕР. Весь ряд этих моментов говорит о том, что стараться им конечно можно, но шансов особых у них нет. Есть ли маленькая политическая вероятность, что до 18 сентября появится яркий лидер, который сможет проявить себя? Я в это не верю, думаю, что до сентября месяца нас ждет инерционный сценарий, как в экономике, так и в политике. Соответственно, шансов у малых партий и оппозиции практически не остается.

В заключении, я хотел бы остановиться кратко на эффекте, который может проявиться на предстоящих выборах, и который стоит обсудить, а именно - корреляции результатов социологического исследования и фактических результатов выборов. Мы с этим впервые столкнулись 10 лет назад в одном из регионов России. Проводили опрос населения накануне выборов мы сами и очень тщательно. Контроль выборки был 20%, т.е. каждый пятый респондент был опрошен. Результаты выборов не совпали с опросом.

Почему так происходит, и почему так может произойти на этих выборах? Первое – социально ожидаемый ответ. Когда респонденты отвечают не то, что они думают, а то, что, как им представляется от них, ждут. Второе - это значительно более высокий потенциал мобилизации (явка) протестного электората по сравнению с явкой провластного электората в день голосования. С этим феноменом сталкивались в регионах регулярно и в прошлом и сейчас. Как можно посчитать корреляцию между «протестниками» и результатами исследований я, честно говоря, не знаю. И, даже

особых эмпирических подходов нет. Небольшой намек – это социальное самочувствие населения, о чем говорилось сегодня.

Наши исследования говорят, что повышение социального самочувствия населения в предвыборный период в регионе на три процента даёт прибавку в два процента голосов провластной партии в день голосования. Мне представляется, что здесь достаточно большой простор для исследования, но проводить его, конечно, должны социологи.

Наиболее ярким феноменом являются те регионы, где есть яркие оппозиционные лидеры. Может быть, когда мы говорим о корреляции, нужно понимать и учитывать и динамику социального самочувствия населения и есть ли яркий лидер протеста. Спасибо.

Модератор: Спасибо. Константин Эдуардович Калачев, руководитель экспертной политической группы.

Константин Калачев («Политическая экспертная группа»): Я практик. Насчет первого вопроса, существует ли запрос на оппозицию - очевидно, если есть население несогласное с нынешним курсом, значит, запрос есть. Естественно, не согласны с политическим курсом - не согласны с экономическим курсом. Часто я слышу одно и то же: партий много, а голосовать не за кого. Условно говоря, запрос есть, предложения нет. Спрос не рождает предложение. Я абсолютно уверен в том, что для оппозиции возможности открываются на местном региональном уровне.

Простой пример (кстати, по поводу социологии) я вспоминаю из своей жизни. У ЛДПР в одном чудесном регионе, в городе Волжский было 3 %. По прогнозу социологов, ЛДПР на выборах должна была взять 7-8%. Пришел ко мне человек, которому предлагали заведомо непроходное место в списке «Единой России» и просили вложиться в кампанию партии. В итоге он решил идти от ЛДПР и взялся за формирование списка. На выборах список ЛДПР обошел список «Единой России» первый и последний раз в истории. При этом Жириновский в кампанию никак не был включен. Агитация велась исключительно на основе местной повестки. Я говорю это к тому, что социологию абсолютизировать нельзя.

Плюс здесь есть еще один момент. Наши партии, в том числе и парламентские (за исключением ЕР) отталкиваются от федеральной тематики. Проникновение на муниципальный уровень либо нулевое, либо минимальное. Собственно говоря, политические партии по идее должны пытаться пройти снизу, начиная с муниципальных рядов, региональных рядов. Создавать себе историю успеха. Приведу пример. Недавнее совещание Парнас – один из лидеров предложил стратегию избирательной кампании. Господин Яшин ее раскритиковал и сказал, что кампания будет вестись исключительно в интернете. В переводе на русский язык это означает – не выходя из кабинета. В чем главная проблема оппозиционных партий и малых партий? Незнание специфики региона, неспособность работать в регионах, неумение заниматься рекрутингом. Вспомним, с чего начиналась Партия пенсионеров, которая сейчас занимает пятое место. Господин Атрошенко, который прекрасно разбирался в людях и в региональной жизни. Поэтому он на очень щадящих условиях раздавал «франшизу» на партию в правильные руки тех, кто был замотивирован на результат. После чего Партия пенсионеров начала наступать на пятки ЕР. В результате пришлось ее передать господину Гартунгу. Там как бы произошла смена лидера, и результаты пошли вниз. Да и Гартунг ее передал в итоге. В чем секрет господина Атрошенко? В удивительном понимании жизни города, в удивительном чутье на людей, способности находить те территории, где есть какие-то конфликты, амбиции, где есть расколы, находить правильных, нужных людей.

В случае с Явлинским или, например, Касьяновым такое просто невозможно. Потому что в региональных отделениях им важна полная преданность партийной идеологии и лояльность, а не результат. Т.е. на самом деле есть серьезная проблема. Она как раз правильно сформулирована в названии заседания нашего совета. Амбиции у оппозиции превалируют, а шансами жертвуют. Может ли, скажем, Яблоко провести ребрендинг? Да, может. Можно ли Яблоко избрать тройку, которая всех удивит? Может Парнас удивить? Гипотетически может удивить. Все наши оппозиционные партии сектантские, к сожалению. Способность отвечать на вызовы и угрозы, способность к обновлению, к работе с местной повесткой, с региональной

отсутствует. Отсутствует желание вообще как-либо задействовать экспертные сообщества.

Привожу пример, открываю тайну: общаюсь с г-ном Титовым. Говорит, у нас будет 5%. Я спрашиваю, откуда такая уверенность? Он говорит, я же смог увеличить долю «Абрау Дюрсо» на рынке, я смогу и 5% получить. Отлично, замечательно, а как это будете делать? Ответ один – через интернет. Я ему: это всего лишь инструмент, канал коммуникации, один из многих. Все зависит от содержания. От контента. - А у вас есть, кто может делать контент? Нам еще эксперты нужны, которые будут говорить о нашей партии хорошее. В общем, стратегии нет, эксперты нужны только, чтобы хвалить новый партийный проект. Хотя за что его хвалить, непонятно. Спрашиваю, название для партии подобрали? – Нет еще, - отвечает мне Титов, есть три варианта, будем проводить фокус-группы, мне больше всего нравится Партия роста. Фокус-группы должны были лишь одобрить выбор лидера, который сам себе политтехнолог. Сталкиваешься с этим, и понимаешь, вот это нежелание быть технологичными, использовать чужие знания и опыт – родовая травма новых партий.

Была у меня по ходу костромских выборов дискуссия с соратником Навального г-ном Волковым. Спор о содержании и инструментарики кампании ПАРНАС. Проблема та же. Услышали они, что колл-центр хорошая штука. ЕР использует и эффективно. Надо бы тоже. Запустили. Без скриптов, без понятных месседжей. Без простого ответа на вопрос: зачем? Есть активисты, пусть звонят. А что говорить респондентам – определяют пусть сами. Не помогло. И не могло помочь. Ибо изобретали велосипед. Спросить специалистов о том, как это должно работать, самомнение помешало.

Что мы имеем со стороны новых партий? Энтузиазм неофитов и пагубную самонадеянность. Отсутствие желания выстроить коммуникации с экспертным сообществом. Отсутствие желания выстроить коммуникации с практикующими политтехнологами на самом деле оказывает им плохую службу. Реакция представителя Парнаса на критику была болезненной. А ведь могли бы просто обратить внимание. Что в профессиональных группах политтехнологов в сетях у оппозиции хватает сторонников. Так обратите внимание на профессиональные

сообщества политтехнологов, там же очень много ваших, что мешало вам обратиться к ним с просьбой хотя бы о мозговом штурме при выработке стратегии? Давайте, мол, придумаем, как можно сделать компанию красиво в регионе или по стране, креативную федеральную компанию. Я даже думаю, что некоторые мои коллеги, имея желание поучаствовать в чем-то подобном, даже денег за советы не попросят. Конкурентной среды ради. Обращались? Нет! Почему? Потому что на самом деле мы – оппозиция - самые крутые, мы изобретаем велосипед, мы заново открываем азы.

Книжку Сучкова о политтехнологиях читали? Нет? Мы лучше сами за 10 лет набьем шишек, попробуем, научимся. Т.е. что такое целевая аудитория, коммуникации, инструментарий, доминанта стратегии, узнаваемость и доверие - они даже не знают, но слышали, например, что есть на выборах такая штука, колл-центр. Скопируем механически у ЕР набор действий. Газеты, плакаты, буклеты, колл-центр.

А не работает. Ибо содержание вне народной повестки. Работы со смыслами не видно. Может потому, что не очень хочется выигрывать на муниципальном или региональном уровне. Проще проигрывать и кричать, что выборы нечестные, все куплены и т.д.

С моей точки зрения главная проблема оппозиционных партий заключается в том, что они не хотят расширяться, они не хотят идти туда, где сложно, где эксперты на муниципальном уровне, на региональном уровне, выстраивать рабочие отношения с экспертным сообществом, искать новых лидеров. Они, собственно, ничего не хотят, они хотят оставить все, как есть. Т.е. как бы нам все поменять, ничего не меняя. Это основная идея для Парнаса и для Яблока. Они говорят, мы будем делать ставку на две темы, на внешнюю политику или экономику. Мы будем поддерживать внешнюю политику и экономику, и то, и другое, но при этом дальше никакой конкретики.

Мне кажется, проблема в людях. Чтобы запрос на оппозицию был реализован в каких-то партийных проектах, нужны люди, которые могут предложить эти проекты. Таких людей нет. На самом деле это вещь редкая, но я абсолютно уверен, что на локальном муниципальном, региональном уровне мы еще увидим ярких мальчиков, которые возникли из ниоткуда, которые будут добиваться больших успехов. Но пока Парнас не провалится полностью на ближайших выборах, сорняк этот будет расти.

Постольку поскольку с сорняками ничего не вырастет. Но я верю в естественный ход вещей, рано или поздно произойдет какая-то самоорганизация. Но мне кажется понятным совершенно и очевидным, что по мере углубления экономического кризиса и не дай бог возникновения социального кризиса, политический кризис маловероятен без организованного авангарда активных и недовольных. Я про новое поколение политиков, которые могут сказать - выбор за нами, все от нас зависит. Нынешняя оппозиция таким авангардом быть не может. Но не может она и развиваться как нишевые партии, отражающие интересы тех, кто критично относится к нынешней экономической и политической модели. Главное тут, чтобы вопросы будущего страны решались не на улице. Главное, чтобы выборные процедуры стали единственным механизмом обновления власти или влияния на власть. Поэтому я заинтересован, чтобы оппозиционные партии были, чтобы они росли, развивались, чтобы была возможность голосовать, потому что на самом деле я как раз отношусь к числу тех, которые говорят: партий много, а выбирать не из кого.

Добьется ли оппозиция успеха на сентябрьских выборах? Я этого совершенно не ожидаю. Сценарий будет инерционным. Несистемная оппозиция из резервации так и не выйдет. Полпроцента-процент у ПАРНАС. Полтора-два у ЯБЛОКА. Я думаю, что, в принципе, это потолок. Да, экономическая ситуация в стране непростая. Да, есть вполне внушительные группы сторонников социального прогресса, есть либеральные настроения, есть усталость от перебора пропаганды. Но протестные настроения не становятся драйвером развития оппозиции. Люди не видят в оппозиции привлекательности. Оппозиция нуждается в корреляции, это ясно совершенно, тем более что здесь в Москве у нее есть шанс побороться за округа. Но ребрендинга не будет. Потому что нынешние лидеры оппозиции к самокритике и ребрендингу не готовы. Но я думаю, просвет есть. Вот сейчас в ближайшем сентябре должна наступить смерть нынешнего Яблока, смерть нынешнего Парнаса, и вот на этом месте уже должно появиться что-то другое, что-то новое. В этом смысле, желающих своими голосами продлевать жизнь внесистемной оппозиции такой как она есть, будет немного. Если только власть не поспособствует. Например, закрывая глаза на дикие выходки профессиональных борцов с этой оппозицией. Если у либеральной

оппозиции не будет возможности стать героями сопротивления мракобесию и регрессу. Но вообще, разумный человек, если он оппозиционен, он должен в этот раз не голосовать. Потому что в противном случае он получит то же самое Яблоко с Явлинским, тот же самый Парнас с Касьяновым, еще на ближайшие пять лет. Когда я вел в середине 90-х свой партийный проект (ПЛП), мы получили по стране полпроцента, и я его тут же закрыл. Взял на себя ответственность. Признал, что не справился. На самом деле провел кампанию федеральную, получили полпроцента, мне говорили, давай развивать дальше, я сказал нет, полпроцента меня совершенно не устраивает. Мне было бы очень интересно в свете нынешних событий посмотреть на поведение лидеров малых партий после выборов. Интересно, возьмут они на себя ответственность за провалы, или не возьмут. Услышим ли мы от кого-нибудь - я устал, я ухожу? Скорее всего, нет. Провал на выборах у них критерием внутренней неэффективности не считается.

Модератор: Спасибо, Константин Эдуардович. Сейчас у нас выступает Дмитрий Геннадьевич Гусев – политтехнолог. Участвовал в праймериз, и пока мы еще не знаем результатов, но уж точно могу сказать, что по числу лайков за яркую интернет-компанию Дмитрий обогнал почти всех. Поэтому слово Дмитрию Геннадьевичу.

Дмитрий Гусев (Bakster Group): Что касается праймериз - это установка государственного чиновника. Каждый политик должен быть сам себе политтехнологом. Я эту установку выполняю. Что касается вещей, которые меня напрягли, я вижу здесь слабые, тонкие проблемные места. Мне кажется, что со вчерашнего дня повестку, по крайней мере в околполитической среде, по данному вопросу эту тему не поднимают. Я разговаривал с кучей кандидатов, у каждого есть история, и каждый думает, что там что-то подрисовали. Все помалкивают, из-за партийной солидарности. Но такой запрос есть. Понятно, что эта тема могла бы быть раскрыта, если бы системная оппозиция, Навальный не подняла бы эту историю раньше. Но они, как мне кажется, поверили ЕР, что это какая-то ерунда, все будет нормально. И когда Навальный включился, произошли эти истории непонятные. Т.е. они понятные, но необъясненные публике истории. Все поняли, что что-то там такое

есть, и на этом можно пройти. Выстрелили, да, неудачно. Тема публичной не представляется. Я уверен, что в принципе, компания по дискредитации выборов, должна быть главной темой, повесткой. Доверять, не доверять. У нас сейчас будут объявлены результаты, сегодня уже Медведев сказал, что каких-то чиновников могут снять и очевидно, какие-то меры будут приняты. Но вопрос уже завис, вопрос выполз, его дальше будут накручивать. Тем более, здесь была игра в своей команде, все друг к другу более-менее лояльны, но вы понимаете, что на выборах ничего такого не будет. Все будут биться до последнего. Тем более, что кандидаты от других оппозиционных партий, конечно, будут поднимать эту тему.

Следующим этапом, очевидно, будут скандалы с проигравшими компанию, которые ощутили себя обиженными - пойдут от других партий. И вот это будет следующий вопрос. А затем, конечно повалится валом. Телевизор, наверное, будет показывать некую правильную картину, а те, кто в Фейсбуке, там молчать не будут. Там будут каждый день долбить-долбить. И нужно понимать, как с этим бороться и что из этого можно объяснить. Придёт ли это все на Болотную или еще куда-то, я не знаю, но сразу съезды партий после этого, и уже выборы пошли по полной программе. Очевидно, такие сценарии конечно возможны. Вопрос о легитимности выборов – основной.

Вторая тема, которую хотелось бы обсудить, это тема публичности, о том, что есть запрос, смена лиц и поведение личности. Мы понимаем, что есть консервативная группа, у которой телевизор как посредник между человеком и обществом. Условно, стульчик, галстучек, кадр, смонтировали, выложили, выпустили в эфир. И на праймериз это очень хорошо проявилось. Когда нет никаких рамок, законов, можно делать все, что хочешь, количество кандидатов в разы превышало количество, которое должно было быть, т.е. каждый творил, что хотел. Вот если сравнивать, то в 90-е у нас еще, по-моему, было не так весело, как сейчас. Потому что люди оторвались по полной. И все почувствовали вот этот наркотик – наркотик публичности, наркотик власти. Куда эти люди 3000 человек, которые сейчас зажигали на праймериз, что теперь с этим будут делать? Они же не остановятся, они же куда пойдут? Либо ЕР включит их в процессы, либо они пойдут куда-то еще. Они уже

отравлены, они уже попробовали вкус. И вот что с этим делать, тоже не понятно. А это все как раз из серии «в интернете». Потому что, когда люди сидят в интернете, там закон очень простой, это так сказать – подглядывание, раздевание. Т.е. все будут что-то разоблачать, снимать с себя или с кого-то одежды и показывать, вот, как на самом деле. Поэтому это тоже есть некая такая проблемная, пока еще не обсужденная тема. Я думаю, что это достойно обсуждения.

Что касается тех вопросов, которые были заданы, я соглашусь по поводу эсеров, эсеры действительно ориентированы на даже меньший процент людей, максимум 5% из регионов голосов, но вот это присутствует, и я думаю, что это одна из задач, которая будет стоять перед ЕР. Мы помним результаты прошлой сессии, где эсеры показали хорошие результаты в Думу по Челябинской области, Новосибирск, еще какие-то области. Вот, наверное, все.

Модератор: Выйдут ли на Болотную, независимо от того будут или не будут нарушения на выборах?

Дмитрий Гусев (Bakster Group): Вопрос, выйдут ли на Болотную не зависимо от решений и нарушений? Это понимаете, как говорится интерпретация важнее фактов. Т.е. фактов может и не быть, но они будут интерпретированы как нарушение. В этом смысле единая масса или там масса этих нарушений она будет очень большая. Были эти нарушения или не были, это вообще не важно. Т.е. если будет написано, что нарушения были, значит, они были. И вопрос в том, как было - по закону или не по закону. Ну ведь действительно, было все по закону, и нарушения были, и среагировали. Но вот эта публичность, она перебивает сам факт. Одно из таких важнейших предметов современной публичности, что интерпретация важнее фактов. Т.е. неважно, что произошло на самом деле, важно, что написано у тебя в Фейсбуке или в интернете. А приведет это к Болотной или не приведет, я не знаю. Важна конвенция. Понимаете, в чем штука, конвенция из он-лайна в офлайн достаточно сложная. Скажем, когда рекламщики делают компанию для продвижения в интернете, т.е. у них если рекламная компания достигает конвенции 1-2 %, если человек совершает покупку в интернете, они считают это хорошим результатом. 3% это божественный результат. Что такое интернет реклама? Чтобы человек совершил

покупку, это же надо сначала согласиться, потом зарегистрироваться, потом интернет кошелек, но это все не отходя от компьютера. А здесь же более сложная задача. Нужно чтобы человек когда-то там вышел из дома, пришел на участок и что-то там сделал, это очень сложная конструкция и конвенция очень сложная. Конвертировать очень сложно. Поэтому тогда же в 2011 году выделили идеи, т.е. там же сработал телевизор, вот, по радио, в интернете, или там, онлайн, это все детский сад, т.е. сработал конечно же телевизор в 2011 году.

Модератор: Навального не было в 2011 году.

Дмитрий Гусев (Bakster Group): Навального не было, был он позже, я просто не хочу, чтобы мы очаровывались сами теми шагами, которые оппозиция преподносит, как резкие. Ну кто такой Навальный, обычный блогер, вот, интернет там вывел на улицу. Да нет, если бы не было в 2011 году телевизора, не вышли бы на улицу 100 000. Поэтому я не знаю, вообще это борьба, но вообще, тема, которую мы поставили, это важно спрогнозировать 1-2-3-5 сценариев. Кто предлагал в Фейсбуке собраться политтехнологам, вот вам.

Модератор: Спасибо! Слово предоставляется Дмитрию Ивановичу, пожалуйста.

Дмитрий Орлов (АПЕК): Прежде чем переходить к базовому, о чем я хотел бы высказаться, хотел бы прокомментировать тезис, звучавший о Болотной. Никакой «новой Болотной» из участников праймериз, которым не повезло, не будет. Во-первых, до съезда «Единой России» предстоит согласование позиций и снятие внутриэлитных конфликтов. И большинство этих конфликтов будут сняты. Во-вторых, никакой мобилизации протеста в сетях, о чем говорит Дмитрий Гусев, не будет – да его в сетях и не мобилизовать. Так что уважаемый глава Bakster Group, грозящий нам возникновением протестного движения из участников предварительного голосования «Единой России», просто торгует страхом. Возможно, от имени тех кандидатов и квазикандидатов, кто неудачно выступил на праймериз. Экстраполировать же ситуацию 2011 года на сегодняшний момент, мне кажется, совершенно нелогично.

На предстоящих выборах две интриги. Первая – преодолит ли «Справедливая Россия» 5-процентный барьер. На мой взгляд, текущий рейтинг партии недостаточен

для этого. Все разговоры про «партию второго выбора» и про «низкий антирейтинг» были и раньше. Тем не менее, в последнее время «Справедливая Россия» серьезных успехов не демонстрирует.

Пока главный месседж «Справедливой России», заявленный в феврале, - отставка кабинета Дмитрия Медведева. Это был очевидный фальстарт. Это, конечно же, забыто. Не только причем забыто населением, но и забыто политическими партиями. Лидеры партии слабы. Региональные звенья буквально рассыпаются из-за того, что партия является по существу рыхлым конгломератом элит.

Вторая интрига – сколько и каких партий пройдет в формате «3+». Есть три эшелона. Первый эшелон – «Единая Россия», второй – парламентская оппозиция, третий – непарламентские партии. И интерес представляют, на мой взгляд, те из них, которые могут получить более 3% голосов. Они смогут получить государственное финансирование, укрепиться в российской политике, как в свое время партия «Яблоко», и собрать мини-фракцию в Государственной Думе. На мой взгляд, несколько организаций сегодня имеют такие шансы – «Яблоко», «Родина», «Патриоты России» и «Партия Роста». При этом совершенно не очевидно, что хотя бы одна из них имеет гарантию преодоления 3-процентного барьера. Структура политического поля - при условии, что «Справедливая Россия» опускается ниже 5-процентного барьера, - на мой взгляд, предполагает еще максимум две организации, которые могут получить «3% плюс». Так что здесь будет серьезная игра.

По поводу слияния «большой четверки» и потери идентичности, о которой говорил Михаил Мамонов в начале своего выступления. Мне это кажется действительно проблемой у некоторых партий. Идентичность они, конечно, должны существенным образом наращивать. И при всей банальности темы, не ясны электоральные послания, во всяком случае, с которыми идут Коммунистическая партия и «Справедливая Россия». Миронов распространяет фотографии с Путиным. Это, конечно, хорошо. Но в чем послание, собственно, «Справедливой России»?

Лидеры, кадры – я здесь тоже не вижу у оппозиции каких-то серьезных прорывов. Что касается кадров, мы видим две процедуры, которые с разной степенью удачности (на самом деле обе неудачные) имитируют праймериз, пытаются

заимствовать это у «Единой России». Праймериз «Парнаса», который переместились в интернет, и это неблагоприятный для них фактор. И «Гражданский совет» Коммунистической партии, который предлагает в качестве приза пост помощника депутата Госдумы. На мой взгляд, это довольно смешно.

Нужны другие механизмы кадровой мобилизации. И другие лидеры. «Родина», например, была бы успешна, если бы у нее были лидеры уровня Rogozina, Glazьева. Сегодня она таких лидеров не имеет. И тогда получается, что хорошее региональное отделение, финансирование, энергия – все есть. Но, как в свое время говорили лидеры земского движения, здание не достроено.

Подводя итог сказанному, хочу сказать, что оппозиция имеет множество проблем – организационных, технических, финансовых, мобилизационных. И тот прогноз, который делает ВЦИОМ по результатам КПРФ и «Справедливой России», является на сегодняшний день комплементарным для этих двух организаций. Критикуя праймериз «Единой России», оппозиционные партии пытаются вскочить в последний вагон поезда, пытаются использовать их как механизм начала избирательной кампании и занятия политического поля в ближайший месяц. Но это удастся далеко не всем, по моим даже ощущениям, практически не удастся. Посмотрим, как эта ситуация будет развиваться в последующий, вот сейчас начинающийся, критический для развития политической ситуации месяц, когда закончились праймериз «Единой России», а до начала официальной избирательной кампании остается месяц. Можно агитировать бесплатно. Мой прогноз: ничего существенного и в это время не произойдет.

Модератор: Спасибо. Сейчас пойдём по регионам. Слова предоставляется нашему калужскому гостю, депутату Калужской Госдумы от партии «Единая Россия»,

Владислав Сахарчук (Депутат Городской Думы): Один из иностранных консультантов правительства российского в начале 90-х годов, кажется, это был Джеффри Сатс, говорит: «Мы взяли больную российскую экономику, положили на операционный стол, вскрыли грудную клетку, но у России оказалась другая анатомия». Это, мне кажется, один из немногих консультантов, который был невероятно честным человеком, и он увидел, что те вещи, которые он привык

определять тем или иным образом, просто не работают из-за того, что общество, в котором он находился, та экономика действует немного не по его закону. Поэтому мой тезис следующий: методика описания нынешней политической ситуации предвыборной, такими терминами классической политологии и социологии имеет определенные ограничения. И всю глубину, драматизм ситуации она не описывает. На мой взгляд, гораздо продуктивнее оттолкнуться от описания современного российского общества некоторых исследований, которые говорят о наличии в России современного ресурсного государства и определенных сословий, которые взаимодействуют между собой. Потому что совершенно очевидно, что у нас не западная демократия, у нас не классовое общество, где инструментом согласования интересов между богатыми и бедными является парламентская демократия и политические партии. У нас есть государство, которое распределяет определенным образом ресурсы между корпорациями и сословиями. Есть сословия государственных служащих, чиновников, есть силовики, есть пенсионеры и есть бюджетники. Мне кажется, именно поэтому очевидно, почему выходят, например, в парламент лидеры, так называемой оппозиции. У них есть определенный сословный статус. Это не западная демократия, где они несут ответственность за партию. У них есть определенный сословный статус. И переходить из этого сословия в нижестоящее сословия, это безумие, и все это понимают прекрасно.

Поэтому возникает вопрос, почему не уходит Касьянов, почему не уходит Зюганов, почему не уходит Жириновский. Это же совершенно очевидным образом понятно, почему победившие на выборах в Волжском ЛДПРовцы потом стройными рядами переходят в «Единую Россию». Потому что они обрели определенный социальный статус, получили доступ к распределению ресурсов.

Нужно отвечать на 3 сакраментальных вопроса? На мой взгляд, спрос, безусловно, есть, но не на оппозицию, а на решение определенных проблем. Я, как муниципальный депутат регулярно веду прием избирателей, и вижу, их не интересует моя идеологическая принадлежность, не интересует, кто я, державный патриот? Их интересует перечень совершенно четких интеллектуальных вопросов. И кто их решит – депутат «Единой России», депутат «Справедливой России», уполномоченный по

правам человека или Общероссийский народный фронт, им по большому счету все равно, потому что они ходят по всем. Но оказывается совершенно очевидным образом, что решить их проблемы больше в состоянии, как раз властные структуры, «Единая Россия», Общероссийский народный фронт. Поэтому и высокий рейтинг, поэтому и произошла определенная идеологизации политического поля. Если раньше все судорожно: «Ой! Вы демократ или вы державник? Или вы государственник или хозяйственник?» Сейчас по большому счету идеологическое лицо людей во власти мало кого волнует. Волнует решение конкретных вопросов, на мой взгляд.

Я ожидаю, безусловно, инновационного также сценария, как большинство экспертов, но возможны какие-то локальные провалы в разных регионах, потому что экономическая ситуация лучше не становится, по Калужской области, например, планируется летом и осенью ряд очень крупных сокращений на серьезных предприятиях, в том числе градообразующих. Это, безусловно, усложнит ведение кампании для власти, но, безусловно, голосовать будут не за оппозицию как таковую, а будут голосовать за внесение сигналов власти о том, что она не справляется со справедливым распределением ресурсов. Потому что бюджетникам - положено, пенсионерам - положено, рабочим – положено. А государство наличное и его интерфейс парламентский «Единой России» не справляется со справедливым распределением ресурсов. Возникает дефицит, возникает шанс для оппозиции. Большое спасибо.

Модератор: Спасибо. Следующей выступит Курбангалеева Екатерина Шамильевна.

Екатерина Курбангалеева (ИСЭПИ): Есть две темы. Во-первых, когда мы говорим о 48% «Единой России». Во-вторых, когда мы говорим о 10% или 12% КПРФ, СР и так далее – это ориентир, но он, естественно, может подрасти и, скорее всего, он будет подрастать.

Когда мы общаемся с руководителями «Единой России» в последнее время, они спокойны: «У нас 48%, позиция. И так будет распределяться 50%. И сразу, соответственно, по-другому происходит уже размышление. Хорошо, 10-12% у нас берет малая партия, мы все равно по мелочи, по 2, по 3%, по 1. 40% как будут

распределяться? Скорее всего, конечно, люди пойдут голосовать за знакомые бренды». Я здесь не соглашусь с коллегами, здесь ЛДПР как раз больше не наберет. Наберет больше СР и КПРФ. Потому что протесты присутствуют, они есть.

Например, недавно смотрела данные по крупным партиям, входящим в пятерку. За «Единую Россию» – 52% протестных голосов. Очевидно, что мы имеем дело с сокрытием своего выбора и с социально одобряемым ответом. Что произойдет на самом деле, когда будут актуальны выборы, мы не понимаем. Для «Единой России» и других партий на данный момент надо сделать поправочный коэффициент.

Что может повлиять на динамику в этой ситуации? Я считаю, три фактора. Первое – это внешние и внутренние конфликты. Частично они вылезли на праймериз, частично они были погашены. В некоторых местах они жестко погашены. В ситуации с Юревичем он не погашен, а отложен. В ситуации с Хинштейном, наверное, он погашен. Где-то мы видим, что в одном из крупных регионов потенциальную оппозицию, она не относится к партийной. Когда мы говорим об оппозиции, надо еще иметь в виду некое зазеркалье, юридическое. Это связано с внутренними и внешними конфликтами. Хорошо, Нижегородская область. Но как оно выйдет. Мы же понимаем реально, что существующая оппозиция, которая оппозицией является внутри ядра, они все равно будут финансировать партии. Это все условности.

Когда буквально неделю назад произошла революция в Свердловской области, где две непримиримые стороны заставили отвечать за один и тот же результат. Два отталкивающих механизма внешние силы слепили, но что из этого получится, абсолютно никто не знает. Мы понимаем, что «Справедливая Россия» в Екатеринбурге набрала больше процентов, чем «Единая Россия» – это был результат не «Справедливой России», это был результат того самого противостояния, собственно говоря, оппозиции и городских властей. Просто так бы их никто не финансировал.

Так вот, первое – это внутренние и внешние конфликты. Почти у 42% процентов был выбор. Когда прямым текстом многие, очень богатые, готовы финансировать, тот же самый нынешний глава областной администрации Свердловской области. Это будет мой прогноз: в тех регионах, где крупные административные центры – это

Екатеринбург, это Красноярск, это Пермский край, Челябинск - мы будем иметь ситуацию, когда ЗС будет влиять на ситуацию. Потому что, придя на избирательный участок, трудно представить, чтобы человек в одном списке проголосовал за «Единую Россию», а в другом – за «Справедливую Россию». То есть, если там будет интрига, это будет рейтинг.

Третий фактор, который будет влиять – это те самые технологические вещи, технологические вопросы, потому что понятно, что, в основном, большим спросом будут пользоваться две партии – ЗС будет оттягивать электорат «Единой России» и «Коммунисты России», которые теперь в монопольном виде. КПСС у нас не получили федеральную льготу и не будет. Естественно, с «Коммунистами России» будут играть. Тут уже могут сыграть разные люди. Как «Единая Россия», которой важно развитие электората, так и дополнительные игроки, которых мы не видим.

Да, «Справедливая Россия». Во многом, потенциал у ЗС. Владимирская область, пример, горсовет. По ЗС зарегистрировались, сделали все возможное, чтобы зарегистрироваться. Не сделали ничего, ни одной листовки не выпустили, ни одной встречи не посетили. 5% с лишним только за счет этого. Я это точно знаю, потому что лично тестировала по ЗС. Если говорить про малые партии, то ЗС и «Коммунисты России» - это партии, которые могут взять за счет того, что будут играть в технологические игры. И «Патриоты России», которые являются партией условно оппозиционных линий. «Патриоты России» Красноярского края мы все знаем. «Патриоты России» в Нижнем Новгороде – мы понимаем. Они же их и создавали, они же их и берут. Когда «Патриоты России» создавались. Когда мы говорим о текущем моменте, нам надо сделать поправку на то, что мы имеем дело с «Единой Россией», потому что именно к ним пойдут несогласные. А когда мы рассматриваем ситуацию в динамике, ее могут изменить внутренние конфликты, которые будут обострены, то есть драйвером, которой станет выборы в ЗС в 38 регионах, и технологические задачи, которые будет локально выполнять штат.

Модератор: Спасибо. Иосиф Евгеньевич, пожалуйста.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Прежде всего, следует отметить, что мы имеем дело с качественно разными социальными объектами. И это,

в большой степени, очень значимо в ситуации, когда в нашей стране ценности и интересы у людей расклеены, нет жесткой корреляции между ценностями и интересами. Это создает определенную коллизию в электоральном поведении людей. Партия «Единая Россия» – это партия интересов. Если нужно решать свои жизненные текущие проблемы, люди вполне себе голосуют за «Единую Россию», не озаботясь проблемами идеологии. Традиционно к «Единой России» не предъявляют идеологических требований. В большой степени это влечет за собой слабый интерес ее руководителей к идеологическим проблемам.

Все остальные – это, скорее, идеологические партии. Голосование за них, как это вполне справедливо отмечал Михаил Мамонов, скорее протестное или сигнал для правящей партии об определенном недовольстве. Это первое.

Второе. У всех возникает вопрос, существует ли запрос на оппозицию. На оппозицию, на мой взгляд, запроса нет. На что же существует запрос? Запрос существует на то, чтобы продемонстрировать протест. Когда не решаются проблемы, когда есть недовольство властью, имеется протестное голосование, которое уже в свою очередь делится по разным идеологическим принципам и по разным партиям. В значительной степени, от симпатии второго рода.

Благодаря моим коллегам из ВЦИОМ мне все-таки удалось закончить книжку про институты. Когда рушатся институты? Когда они надоедают или теряют моральную поддержку. Главный приговор институтам – это не их неэффективность, а когда они обрыдли. Вот Российская империя обрыдла гражданам России и исчезла. Ровно это же произошло в результате разных политических, политтехнологических действий с Советским Союзом.

Соответственно, главный вопрос состоит в том, в какой мере накопилось внутреннее раздражение против действующих властей. Не недовольство, а внутреннее психологическое раздражение действующими российскими институтами. И возникает вопрос: а кто субъекты игры в разжигании этих раздражений? Об одном субъекте сегодня было сказано – это люди, амбиции которых были раскручены в ходе участия в праймериз ЕР. И если они не нашли себе канала реализации этих амбиций, они куда-то канализируются. Собственно, эти проблемы подробно анализировал де

Токвиль. Ну, я хотел бы обратить внимание, что этих людей крохи, и они вряд ли способны стать драйверами протеста. Но сбрасывать со счетов их влияние на психологический климат было бы неосмотрительно.

Но есть еще один сходный процесс. Мои коллеги из Общественной палаты систематически проводят форумы «Сообщество». Подчеркну, очень важный и полезный процесс. В ходе этих форумов выявляются лидеры НКО, достигшие реальных результатов в решении насущных проблем. Проблема в том, в какой мере эти лидеры, амбиции которых раскручены в ходе участия в этих формах, оказываются интегрированы в общественно-политическую систему. Здесь уже речь идет о нескольких тысячах, если не десятках тысяч человек.

Причем, хочу обратить внимание, это вам не неудавшиеся депутаты, это люди, создавшие НКО, показавшие, что они умеют решать конкретные задачи, обладающие значимыми лидерскими качествами. Без этого НКО не создашь. И люди, плюс к этому, накопившие опыт публичной политики в ходе презентации своих проектов. И нереализованные амбиции этих людей, на мой взгляд, серьезная проблема.

Именно такие группы и отдельные люди, с обманутыми ожиданиями, могут включиться в дискредитацию выборов. При этом дискредитация выборов будет и уже есть главная ставка нашей несистемной оппозиции. Никаких электоральных задач она перед собой не ставит, а дискредитация - главная ставка несистемной оппозиции. Для ее лидеров важен вовсе не статус, а вполне себе заработок от спонсоров, которые будут оценивать ее попытки дискредитировать действующие институты власти. И, как известно, выборы – это знойное время для такой активности.

Я не думаю, что нас ждет что-либо, кроме инерционного сценария, но эрозия институтов, возникающая в результате длительных усилий по дискредитации институтов, может стать значимой. Учет этих факторов, о которых я говорил, нашим политтехнологам высокого уровня следовало бы учитывать. Спасибо, я вполне уложился.

Юлия Баскакова: Сегодня я представляю новый для России формат прогнозирования результатов выборов – электоральный прогнозный рынок. Что это такое? Данная технология широко применяется на мировом рынке, она разработана

американцами, в 1988 году исследователи университета Айовы создали специальную площадку прогнозирования результатов президентских выборов в США, где можно было делать ставки на исход выборов. Сегодня мы с коллегами насчитали более 10 компаний, которые занимаются организацией прогнозных рынков. Мы начали сотрудничать с одной из них и построили рынок прогнозов для предстоящих выборов Думы.

Кто там участвует? Это не эксперты, а обычные россияне, которых мы рекрутируем в ходе наших опросов. Мы приглашаем участников, они регистрируются на рынке – это бесплатно, далее они получают стартовый капитал в виртуальной валюте и некоторое количество акций. Дальше всё как на настоящей бирже – надо купить акции дешевле, а продать дороже. Задачи предсказать результат выборов у вас нет, есть задача заработать больше виртуальных денег. Допустим, вы видите, что акции какой-то партии продаются за 12 условных рублей, но вы считаете, что её рейтинг скоро вырастет, поэтому вы сегодня покупаете их по 12, а завтра продаёте по 13 и делаете на этом капитал. Или наоборот, вы видите, что какая-то партия наберет меньше голосов, чем обещает её текущий рейтинг, в этом случае вы можете продать её акции, а потом купить дешевле. Трейдеры, которые сделали самый большой капитал, получают призы.

На слайдах можно увидеть динамику колебаний курсов: акции одних партий растут, других – снижаются. Можно также делать ставки на уровень явки. Красная свечка показывает понижательную динамику – цена открытия торгов выше цены закрытия, зелёная – повышательную, это значит, что цена акции выросла за указанный период.

Практика применения таких рынков в мире показала, что они нередко дают не менее (а иногда и более) точные прогнозы, чем опросы. Прогнозные рынки используют не только для предсказания политических событий, но и, например, в маркетинге. От их участников не требуется специальной квалификации, идея состоит в том, что люди, которые мотивированы стремлением преуспеть, оказаться правыми, лучше ориентируются в ситуации, чем любой прогнозист. Как эта технология покажет себя в России, мы узнаем очень скоро.